

А. В. Майоров

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. a.v.maiorov@gmail.com

ORCID 0000-0001-8212-7467

Ф. Н. Веселов

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. veselovfedor@gmail.com

ORCID 0000-0002-2445-6497

И. С. Руденкова

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. i.rudenkova@inbox.ru

ORCID 0009-0007-4971-0141

КИЕВСКАЯ ХИЛИАРХИЯ В СЕРЕДИНЕ XIII в.: ТЫСЯЦКИЙ ДМИТР И БОЯРИН ДМИТР ЕЙКОВИЧ

В период великих завоеваний монголы выработали стратегию управления новыми территориями расширяющейся империи с помощью местных военных администраторов, ранее служивших другим правителям. Перешедшие на монгольскую службу иностранцы встраивались в военно-административную систему Монгольской империи, организованную по децимальному принципу. Универсальность такой системы, в том или ином виде распространенной практически по всей раннесредневековой Евразии, до известной степени облегчала включение новых слуг великого хана в имперскую хилиархию (термин И. де Рахевильца). Отчет папского посланника к монголам Иоанна де Плано Карпини, в 1246 и 1247 гг. проезжавшего через Киев, не оставляет сомнений, что система хилиархии была установлена монголами и в Южной Руси: Киевом управлял *millenarius* (тысячник). Галицко-Волинская летопись сообщает его имя – Дмитр Ейкович. Из того же источника известно, что в 1240 г. Киев оборонял от монголов русский тысяцкий с таким же именем. Последний попал в плен к Бату и даже стал его военным советником. В литературе уже отмечалось, что общий киевский контекст и специфическая лексика летописца позволяют отождествить обоих Дмитров. Наблюдения над связями киевского тысячника с русскими князьями, а также сопоставление его судьбы с карьерными траекториями иностранных военачальников, перешедших на монгольскую службу, позволяют подкрепить эту гипотезу и рассматривать случай Дмитра как стандартный для эпохи монгольских завоеваний.

Ключевые слова: киевский тысячник, тысяцкий Дмитр, Дмитр Ейкович, Даниил Романович, Ярослав Всеволодович, Иоанн де Плано Карпини

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00407. Авторы приносят благодарность А. А. Горскому (Институт российской истории РАН), С. В. Дмитриеву (Институт востоковедения РАН) и Ю. И. Дробышеву (Институт востоковедения РАН), взявшим на себя труд познаться с черновиком статьи и высказавшим ряд ценных замечаний и рекомендаций. Разумеется, все ошибки и недостатки, допущенные авторами, относятся исключительно на их счет.

В период великих завоеваний монголы придерживались общего правила, выработанного еще Чингисханом и взятого на вооружение его преемниками: иностранные чиновники и особенно военачальники, подчинившиеся завоевателям, не только сохраняли свои жизни, но и получали возможность перейти на службу Великому хану с сохранением прежних командных должностей, а иногда и с повышением по службе. В военное время перебежчики становились командирами воинских подразделений, мобилизованных из своих соплеменников и участвовавших в дальнейших завоеваниях монголов в качестве вспомогательных частей их армии (см.: [Майоров 2024; Майоров, Веселов 2024]).

Далее мы покажем, что и после окончания военных действий новые слуги Великого хана, хорошо проявившие себя как военачальники, продолжали свою карьеру, становясь военно-гражданскими администраторами, управлявшими соответствующими территориальными еди-

ницами расширяющейся империи, обычно в той же местности, откуда сами они происходили или где их застало монгольское завоевание.

Описанное правило в равной мере действовало как на Востоке, так и на Западе Евразии, во всех регионах, завоеванных монголами. Этому способствовал универсальный характер выстраиваемой ими социально-политической организации, базирующейся на десятичном принципе. Каждый новый слуга Великого хана занимал определенное положение в военно-административной структуре глобальной империи, основной единицей которой являлась тысяча (*минган*).

Разумеется, десятичная организация не была единственным инструментом создания глобальной империи, но ее значение в период великих завоеваний было особенно велико. И. де Рахевильц предлагает для такой системы термин *хилиархия* [Rachewiltz 1966, p. 130–132]. Установление хилиархии связывают с военно-административными реформами Чингисхана, проведенными около 1206 г. С самого начала своего существования система хилиархии распространялась как на кочевое, так и на оседлое население, ее можно считать одним из основополагающих институтов империи (см.: [Kim 2023, p. 412–414]).

После завершения военных действий монгольские хилиархии оставались на имперской службе, становясь военными администраторами, которые управляли соответствующими территориальными единицами, способными выставить при мобилизации требуемое количество воинов (см.: [Кычанов, с. 197–199; Крадин, Скрынникова, с. 441–445]). Своего полного развития система хилиархии достигла в правление Угэдея. Ее признаки отмечены на огромной территории – от Китая до Прикаспия и Кавказа (см.: [Mote, p. 650; May 2012, p. 141–142; May 2022, p. 159]).

Можно констатировать, что создание универсальных военно-административных структур на всех завоеванных и подчиненных территориях являлось частью глобальной завоевательной стратегии, успешно реализованной монголами в Китае, Средней Азии, Иране, Закавказье и в половецких степях. В этом отношении Русь не могла составлять какого-то исключения.

Киевская хилиархия

Дошедшие до нас источники не оставляют сомнений, что система хилиархии была установлена монголами в завоеванных русских землях, прежде всего в Южной Руси. Брат Иоанн (Джованни дель Плано Карпини), папский посланник к монголам, проезжавший через Киев в конце января – начале февраля 1246 г., встречался и вел переговоры относительно своего дальнейшего путешествия с не названным по имени тысячником (*millenarius*). Как и другие монгольские правители и администраторы, с которыми имели дело францисканцы, киевский тысячник потребовал для себя дорогих подарков в обмен на содействие посланникам папы. В новейшем русском переводе отчета брата Иоанна читаем: «...нам пришлось одарить тысяцкого, заслужив его благосклонность, чтобы он дал нам гужевых лошадей и охрану» [IX.5]. Францисканец упоминает также киевского сотника (*centurius Kionie*), сопровождавшего представителей папы на части их пути [ИМ, с. 97–98, 124 (текст); 173, 191 (перевод)].

Ряд деталей, сообщаемых братом Иоанном, дают основание полагать, что упомянутый киевский тысячник и его окружение, скорее всего, не были этническими монголами.

По прибытии в Киев папские посланцы встречались и вели переговоры не только с тысячником, но одновременно и с «другими знатными людьми, которые были там же». Именно эти знатные люди Киева дали францисканцам совет, спасший их жизни, – пересечь на неприхотливых и выносливых монгольских лошадей, способных преодолевать большие расстояния в зимней степи. «...у нас состоялось совещание по поводу нашего путешествия с тысяцким

и другими знатными людьми, – писал брат Иоанн. – Они отвечали нам, что если мы возьмем с собой тех лошадей, которые у нас есть, все они могут погибнуть, так как там (в землях татар. – А. М., Ф. В., И. Р.) глубокие снега и они не умеют выгрызать [вариант: отрывать] траву из-под снега, в отличие от татарских лошадей, и нельзя будет найти ничего другого, чтобы покормить этих лошадей, так как у татар нет ни соломы, ни сена, ни [иного] фуража» [IX.5] [ИМ, с. 97–98 (текст); 173 (перевод)].

Киевский тысячник и другие «знатные люди» Киева в рассказе Плано Карпини как бы противопоставляются монголам (татарам), из чего можно предположить, что тысячник и его окружение были русскими жителями Киева. Видимо, поэтому авторы новейшего русского перевода «Истории монголов» в приведенном отрывке для передачи латинского *millenarius* используют древнерусский термин «тысяцкий». Удивительно, но во всех других случаях *millenarius* последовательно передается ими как «тысячник» [ИМ, с. 134, 148, 150, 154, 161, 168, 176]. Очевидно, переводчики хотели сказать, что среди множества встреченных и описанных монгольских тысячников папский посланник особым образом выделял и обозначал только одного – киевского тысячника, потому что он был русским.

Едва ли это соответствует действительности. Брат Иоанн никогда не делал различия между отмеченными им в большом количестве и в разных регионах монгольскими тысячниками по их этнической принадлежности. Похоже, этот вопрос его вообще не интересовал. Киевского тысячника терминологически выделяют только авторы новейшего издания записок Плано Карпини. Их предшественники – А. И. Малеин и Д. И. Языков – всегда переводили *millenarius* (в том числе в интересующем нас случае) как «тысячник» [Собрание путешествий к татарам, с. 11; Путешествие в восточные страны, с. 67], и такой перевод, на наш взгляд, следует признать более корректным.

Если папский посланник не различал монгольских тысячников по этнической принадлежности, то на Руси в XIII–XIV вв., несомненно, хорошо понимали разницу и терминологически четко отличали русских *тысяцких* от монгольских *тысячников*. Это отличие фиксируется как в летописях, так и в актовых источниках. О назначении монгольских «тысячников» в Северо-Восточной Руси (зима 1257/1258 гг.) сообщает Лаврентьевская летопись [ПСРА, т. 1, стб. 474–475]; ордынские «тысячные» упоминаются в ярлыке ханши Тайдулы митрополиту Алексею 1354 г., сохранившемся только в русском переводе [ПРП, с. 470].

С кем же должен был встречаться и вести переговоры папский посланник, на несколько дней задержавшийся в Киеве? У этого вопроса, очевидно, есть две стороны – этническая и политическая. Первая практически не интересовала брата Иоанна, поскольку определяющее значение для него имела вторая.

Конечно, в завоеванном монголами Киеве францисканцы могли встретить только монгольского (то есть подчиненного монголам) тысячника. В качестве такового его воспринимал и описывал брат Иоанн. Называя *милленариуса* «тысяцким», новейшие переводчики отчета Плано Карпини, очевидно, имеют в виду хорошо документированный факт существования в Древней Руси института тысяцких и, в частности, пребывания тысяцких в Киеве в домонгольский период. Один такой тысяцкий по имени Дмитр был поставлен в Киеве Даниилом Галицким накануне монгольского нашествия [ПСРА, т. 2, стб. 782].

По-видимому, в киевском *милленариусе* новейшие переводчики Карпини усматривают не монгольского тысячника, а кого-то из русских тысяцких, сохранивших свое присутствие в Киеве после монгольского завоевания, и таковым, прежде всего, мог быть упомянутый тысяцкий Дмитр. Безусловно, подобная возможность требует проверки и доказательств.

Хотя брат Иоанн специально не обозначает этническую и конфессиональную принадлежность встречавших его в Киеве людей, едва ли можно сомневаться, что знатными людьми (*nobilibus*) Киева, составлявшими окружение тысячника, были уцелевшие русские жители днепровской столицы, которые затем, в июне 1247 г., радостно приветствовали папских посланцев на обратном пути из Монголии, – папский посланник называл их «киевлянами» (*Kyonietes*): «Киевляне же, когда [нас] заметили, все радостно поспешили нам навстречу. И поздравляли они нас так, как будто мы восстали из мертвых» [IX.47] [ИМ, с. 123 (текст); 190 (перевод)]. Разумеется, подобным образом могли вести себя только христиане, сочувствовавшие своим единоверцам, они же были «киевлянами», то есть русскими жителями города.

К числу последних, вероятно, принадлежал и киевский тысячник. Во всяком случае, в рассказе брата Иоанна о посещении Киева *милленариус* и другие *нобили*, которые там были (*cum millenario et aliis nobilibus qui erant ibidem*), действуют вместе и заодно, нет никаких признаков их разделения или противопоставления друг другу.

В новейшем комментарии к «Истории монголов» читаем: под *millenarius* у Платона Карпини «вряд ли подразумевается монгольский тысячник, так как он и другие знатные люди Киева дают францисканцам советы, как вести себя у татар. Следовательно, – констатирует А. А. Горский, – речь идет о русском тысяцком» [ИМ, с. 310–311, примеч. 6]. Русском в этническом смысле, уточним мы, который в политическом отношении, несомненно, был связан и подчинен монголам.

Из отчета брата Иоанна также следует, что, находясь в Киеве, францисканцы обходились без переводчика, поскольку один из них, Бенедикт Поляк, владел русским языком и именно по этой причине был включен в состав посольства (см.: [Майоров 2021а, с. 168]). Однако когда папские эмиссары, покидая Киев, отправились дальше на юг, в сторону степи, им пришлось нанять переводчика или толмача (*interpretes*), способного изъясняться с монголами. Услугами этого переводчика, сопровождавшего францисканцев от самого Киева, последние пользовались, в частности, в ставке Коренцы [IX.11] [ИМ, с. 101 (текст); 176 (перевод)].

Тот факт, что францисканцы не нашли в Киеве монгольских войск, а среди правителей и городской верхушки – этнических монголов (татар), объясняется особенностями оккупации оседлых стран и регионов, характерными для периода великих завоеваний и отразившимися в синхронных источниках. Сюй Тин, член дипломатической миссии империи Сун ко двору хана Угэдея, посетивший завоеванный монголами Северный Китай в 1235–1236 гг., отметил: «...татары никогда не ставят крупных [сил] войск в городах. Не было ни одного солдата в городах Хэнань и Хэбэй, через которые [мы] проезжали. Только в деревнях вне городов были поставлены разбросанно, как звезды, конные дозоры» [Мункуев, с. 61].

Подобная практика наблюдалась и в землях к западу от Монголии и Китая. В записках о поездке в ставку Чингисхана даосского монаха Чань Чуня в 1221–1223 гг., составленных его учеником Ли Чжи Чаном, отмечается, что в городах Каракитайского ханства, завоеванного монголами, и далее на запад путешественников встречали исключительно этнические тюрки, управляющие от имени великого хана (например, в Бишбалыке, Джанбалыке, Сайраме и целом ряде неназванных городов в районе Ташкента). И только в двух, Алмалыке и Самарканде, дополнительно обнаруживаются монгольские даругачи. Во всех остальных случаях путешественники останавливались среди монголов только в полевых лагерях или кочующих ордах (см.: [Changchun's Journey, p. 39, 47, 57, 61, 67, 69, 71]).

Такую же картину фактически наблюдали и францисканцы в Киевской земле. Не встретив татар в Киеве, они впервые столкнулись с ними после того, как, покинув город, несколько дней провели в пути. Двигаясь на юг, в сторону степи, посланники папы добрались «до первой

татарской заставы» (*usque ad primam custodiam Tartarorum*) и только здесь впервые увидели настоящих татар, которые с оружием в руках «набросились» на них, «наводя ужас» [IX.7] [ИМ, с. 99 (текст); 174 (перевод)]. Разумеется, отсутствие этнических монголов или других степняков в Киеве не означает, что в это время здесь не было власти завоевателей и город управлялся русским тысяцким, назначенным и подчиненным русскому князю.

Хилиархи и баскаки

Из рассказа брата Иоанна следует, что киевский тысячник не был единственным администратором, требования которого должны были исполнять францисканцы во время своего пребывания в Киеве. Как минимум еще один префект (*prefectus*), «некий алан по имени Михей», имел какую-то власть в Киеве, конкурирующую с властью тысячника. Во всяком случае, власти префекта Михея оказалось достаточно, чтобы заставить папских посланников изменить свои планы и, вопреки первоначальному намерению и к явному неудовольствию, ехать не в ставку Коренцы, а сперва в ставку Михея: «...он (Михей. – А. М., Ф. В., И. Р.) послал навстречу нам в Киев некоторых своих воинов, которые лживо от имени Коренцы нам сказали, что, раз мы послы, мы должны прибыть к нему. И хотя это было неправдой, он это сделал, чтобы добиться от нас подарков» [IX.6] [ИМ, с. 98 (текст); 173–174 (перевод)].

Из дальнейшего повествования брата Иоанна следует, что, получив подарки, Михей лично проводил францисканцев от своей ставки «до первой татарской заставы» [IX.7] [ИМ, с. 99 (текст); 174 (перевод)]. Судя по всему, ставка Михея располагалась где-то неподалеку от Канева, то есть на территории того же региона (Среднее Поднепровье), который должен был контролировать киевский тысячник. Следовательно, этот последний не был здесь единственным правителем. Назначение в один регион сразу двух администраторов, представлявших параллельные структуры управления, было обычной практикой монголов.

Наряду с системой хилиархии, представленной киевскими тысячником и сотником, брат Иоанн также фиксирует существование на Юге Руси системы баскачества. Во время пребывания в Киеве (или даже раньше, находясь на Волыни) папский посланник узнал о еще одном монгольском префекте, мусульманине, именуемом Саррацином (*prefectus Sarracenus*), поставленном от Бату и от Гуюка и собиравшем тяжелую дань с местного населения [VII.3], причем из дальнейшего повествования явствует, что термин «префект» используется как синоним термину «баскак» (*bascacus*) [VII.6] (см.: [ИМ, с. 83, 84 (текст); 160, 161 (перевод)]). Не приходится сомневаться, что в отмеченных случаях брат Иоанн ведет речь о баскаках – Саррацине, Михее и еще одном, не названном по имени, находившемся в Каневе [IX.6], – и, следовательно, в отчете папского посланника действительно содержатся самые ранние упоминания о баскаках на юге Руси (см.: [Горский 2014, с. 65]).

Очевидно, в Киевской земле к середине 1240-х гг. сложилась некая система баскачества со своей иерархией. Во всяком случае, проезжая от Киева до Канева и первой «татарской заставы», брат Иоанн непосредственно столкнулся с двумя префектами/баскаками, а о существовании еще одного узнал от своих информаторов.

Институт баскаков, или даругачи, не был известен монголам до эпохи великих завоеваний. Будучи заимствован, вероятнее всего, у каракитаев, он предназначался для управления завоеванными странами с преимущественно оседлым населением. В качестве наместников Великого хана баскаки прежде всего осуществляли контроль за сбором налогов и мобилизацией сил для монгольской армии (см.: [Morgan, p. 95–96; Endicott-West, p. 17–19; Kim 2023, p. 422]).

В правление Угэдея должности баскаков (даругачи) повсеместно вводились в Северном Китае и других завоеванных странах. Баскаки действовали наряду с тысячниками и иными во-

енными администраторами, возглавляя две параллельно выстраиваемые монголами системы управления. Как правило, тысячники и баскаки, назначаемые в один город или область, были представителями различных этнических групп. Некоторое время обе структуры – хилиархия и баскачество – сосуществовали и конкурировали друг с другом, что неоправданно усложняло и запутывало систему монгольского управления, подталкивая имперские власти к проведению административных реформ (см.: [Buell, p. 44–45, 47; Кычанов, с. 201–205; Крадин, Скрынникова, с. 490–493, 495–498]).

Таким образом, к середине 1240-х гг. в Южной Руси, как и в других регионах Монгольской империи, параллельно существовали две административные структуры, не только дополнявшие, но и конкурировавшие друг с другом, – хилиархия и баскачество.

Кто правил Киевом?

На первый взгляд, южнорусская (Галицко-Волынская) летопись дает основание думать, будто в середине 1240-х гг. в Киеве не было власти монголов. Описывая краткое пребывание Даниила в этом городе по пути в ставку Бату (ноябрь 1245 г.), княжеский летописец с горечью отметил, что Киевом тогда управлял соперник Романовичей, владими́ро-суздальский князь Ярослав Всеволодович, через своего боярина Дмитра Ейковича: «...обдержашу Киевъ Ярославу бояриномъ своимъ, Ейковичемъ Дмитромъ» [ПСРА, т. 2, стб. 806].

Последнее не должно вводить нас в заблуждение. После монгольского завоевания в Киеве и Южной Руси вообще, как и в прилегающих половецких степях, не было и не могло быть никакой другой суверенной (то есть самостоятельной и политически независимой) власти, кроме власти монголов. Владимиро-суздальский князь Ярослав Всеволодович, получивший киевский стол по решению Бату (1243 г.), должен был признать себя вассалом монгольского хана. Это означало для него полную утрату политического суверенитета. Отныне монгольские правители считали себя вправе свободно распоряжаться не только княжескими правами Ярослава, но и, как показали последующие события, самой его жизнью (см.: [Веселов]).

Из дальнейших сообщений брата Иоанна следует, что киевский тысячник, как и подчиненные ему сотники и десятники, несомненно, состояли на монгольской службе и в свою очередь были подчинены Бату, правителю Улуса Джучи.

Когда, выехав из Киева, посланники папы достигли ставки Коренцы (о статусе Коренцы см.: [Майоров 2023]), располагавшейся где-то в низовьях Днепра, то встретили там киевского сотника: «...у Коренцы мы встретили Нонгрота, Киевского сотника и его спутников, которые нас даже сопровождали на части [нашего] пути, и они после нас прибыли к Батыю» (вариант: «которые нас даже некоторое время сопровождали, пока мы ехали к великому императору») [IX.49] [ИМ, с. 124 (текст); 191 (перевод)].

Описывая свое пребывание в ставке Коренцы, брат Иоанн сообщает о получении там лошадей и новых провожатых: «...нам дали лошадей и трех татар – двух десятников и еще одного, человека Батыя» [IX.11] [ИМ, с. 101 (текст); 176 (перевод)]. В другом месте, как мы уже видели, папский эмиссар говорит, что от ставки Коренцы до ставки Бату (или даже до ставки великого хана) францисканцев сопровождали киевский сотник Нонгрот и его товарищи. Очевидно, что речь идет об одних и тех же лицах: десятники подчинены сотнику, который и есть «человек Бату» (см.: [Горский 2014, с. 67]).

Кому же был подчинен сам не названный по имени киевский тысячник – Бату или владими́ро-суздальскому князю Ярославу? Следует учитывать, что в рассказе Плано Карпини нет даже намека на какую-либо связь киевских тысячника, сотника или десятников с Ярославом Всеволодовичем. Хотя папский посланник был лично знаком с этим князем, близко сойдясь

с ним во время пребывания в ставке хана Гуюка и став свидетелем последних дней его жизни и ужасной смерти (см.: [Майоров, Веселов 2025a]), в своем повествовании он ни разу не называет Ярослава киевским князем.

По всей видимости, передача Ярославу киевского стола требовала соответствующей санкции со стороны великого хана. За ней летом 1246 г. русский князь прибыл в ставку Гуюка, где был смертельно отравлен его матерью. Сообщая об этом происшествии, брат Иоанн поясняет, что Ярослав был убит для того, «чтобы они (Гуюк и его мать. – А. М., Ф. В., И. Р.) смогли беспрепятственно и полностью владеть его страной» [IX.37] [ИМ, с. 115 (текст); 185 (перевод)].

Неудивительно поэтому, что после получения киевского стола по решению Бату (носившему лишь предварительный характер) Ярослав не мог немедленно прибыть в Киев или послать туда кого-то из своих младших родственников, хотя, несомненно, владение киевским столом считал одним из своих главных приоритетов. Перед монгольским нашествием он вел упорную борьбу за столицу Руси с другими претендентами, несколько лет сам княжил в Киеве и, по-видимому, даже пытался еще раз захватить город накануне его осады монголами, когда Северо-Восточная Русь уже была завоевана ими (см.: [Рудаков]).

В ранних списках «Истории монголов» (второй редакции) – Вольфенбюттельском и Кембриджском, – имеющих примерно равное значение с точки зрения реконструкции первоначального текста произведения, Ярослав Всеволодович титулуется по-разному: «великий султан Руси» (*magnus Ruscie soldanus*) и «великий князь в некоей части Руси, которая именуется Суздаль» (*dux magnus in quadam parte Ruscie que Soldal nominatur*) [IX.37] [ИМ, с. 115 (текст); 185 (перевод)]. Отдавая предпочтение второму варианту, исследователи констатируют предполагаемую папским эмиссаром (или, точнее, его русскими информаторами), но не подтверждаемую другими источниками попытку имперских властей «завладеть», то есть непосредственно управлять, Владимиро-Суздальской землей (см.: [Горский 2014, с. 62]).

Однако если мы примем первый вариант, картина окажется иной: титул «великого султана Руси», на наш взгляд, более соответствовал бы правителю Киева, каковым и считал себя Ярослав, поддерживаемый Бату. В других местах своего повествования брат Иоанн называет Ярослава «князь Руси» (*dux Ruscie*) [IX.22] или «великий князь Руси» (*magnus dux Ruscie*) [IV.5], и такие чтения присутствуют как в Вольфенбюттельском, так и в Кембриджском списках [ИМ, с. 50, 106 (текст); 140, 179 (перевод)]. При этом «главным городом Руси» (*metropolis Ruscie*) папский эмиссар всегда считал Киев [V.27; IX.4] [ИМ, с. 71, 97 (текст); 152, 173 (перевод)]¹.

Из приведенных данных следует, что под «страной» Ярослава, которой захотели «беспрепятственно и полностью владеть» правители империи (*libere suam terram ac plenarie possiderent*), мог подразумеваться не только Суздаль, но и Киев. Инициированная Бату передача киевского стола Ярославу была жестко пресечена верховной властью империи потому, что Гуюк и его мать, несомненно, смотрели на Киев, завоеванный войсками нескольких монгольских царевичей (среди них был и сам Гуюк) (см.: [Майоров, Веселов 2025b]), как на общеимперскую собственность, которая должна была управляться из имперского центра и не могла принадлежать одним только Джучидам.

Как бы то ни было, трагическая судьба Ярослава стала предостережением для его наследников: никто из них не претендовал более на киевский стол. Даже Александр Невский, хотя и получил «Киевъ и всю Русьскую землю» от правителей империи ([ПСРА, т. 1, стб. 472]; см.:

¹ Несоответствующее древнерусской княжеской титулатуре и малопонятное *dux Ierozlaus de Vulca* [IX.31], читающееся в Вольфенбюттельском списке [ИМ, с. 111 (текст); 182 (перевод)], могло, как кажется, отражать тот факт, что Ярослав прибыл в ставку Гуюка с Волги.

[Майоров 2021б, с. 17–18]), никогда не появлялся в этом городе. Первое бесспорное известие о пребывании в Киеве русского князя (одновременно с ордынским баскаком) относится только к 1331 г. (см.: [Горский 2016, с. 39–40]).

Вероятнее всего, с 1240-х гг. Киевом управляли монгольские администраторы, и первым (или одним из первых) по времени среди них был киевский тысячник, как мы покажем далее, непосредственно подчинявшийся Бату. Этого тысячника, русского по происхождению, нужно искать не среди владими́ро-сузда́льских бояр, составлявших окружение Ярослава Всеволодовича и прибывших в Киев после 1243 г.², а скорее среди русских перебежчиков, лично известных Бату и заслуживших его доверие еще во время Великого Западного похода монголов.

«Непосредственно под властью татар»

При чтении записок Иоанна де Плано Карпини может показаться, что во время пребывания в Киеве он не обнаружил никого из представителей монгольских властей и что территория, подвластная завоевателям, начиналась южнее, у города Канева (*Canove*; вариант: *Canone*), который он называет селом (*villa*): «И вот мы добрались до некоего села, которое уже непосредственно находилось под властью татар, под названием Канове» [IX.6] [ИМ, с. 98 (текст); 174 (перевод)]. Подобный взгляд разделяют и некоторые новейшие исследователи: Плано Карпини обратил внимание, что в Киеве «не было ордынцев», пишет А. В. Кузьмин, а киевский тысячник и другие должностные лица, упомянутые папским посланником, «служили великому князю Ярославу Всеволодовичу» [Кузьмин 2017, с. 14].

По мнению П. В. Лукина, «...вся территория до Канева (который находится более чем в 100 км к юго-востоку от Киева) оставалась под прямым контролем администрации киевского князя (Ярослава Всеволодовича. – А. М., Ф. В., И. Р.). Следовательно, миллениарий *Historia Mongalorum* должен быть русским чиновником» [Lukin, p. 378]. Впрочем, аргументы, предлагаемые для доказательства этого вывода, нельзя признать состоятельными. Когда папские посланники возвращались из Монголии в Киев, один из сопровождающих монголов «не отпускал» их, пока они «не покинули последнюю татарскую заставу», замечает Лукин [Lukin, p. 378, п. 29]. Однако далее у брата Иоанна читаем, что были еще другие провожатые, приставленные Коренцей, «татарская охрана», которая сопровождала францисканцев до самого Киева: «Те же другие, которых нам дали у Коренцы, за шесть дней сопровождали нас от последней заставы до Киева»; «по возвращении [город Киев] принял нас с татарской охраной и ее лошадьми, которые [потом] возвращались к себе» [IX.47, 50] [ИМ, с. 123, 125 (текст); 190, 192 (перевод)].

Из приведенных данных следует совсем другой вывод: монголы контролировали все коммуникации, соединявшие Киев с другими административными центрами своей империи (в том числе переход от Киева до Канева), и частью созданной ими коммуникационной системы был киевский тысячник, среди прочего распоряжавшийся монгольскими лошадьми, необходимыми для быстрого передвижения по степи.

Но главное, мнение, будто власти монголов не было в Киеве, поскольку здесь властвовали владими́ро-сузда́льский князь и его боярин, когда через город проезжали посланники папы, опровергается прямыми свидетельствами последних. Бенедикт Поляк, сопровождавший Плано Карпини в поездке к монголам и вместе с ним дважды посещавший Киев, в своем кратком отчете характеризует днепровскую столицу как «русский город, находившийся под властью (буквально: в рабстве) татар (*sub servitute Thartarorum*)» [BP, p. 135].

² А. В. Кузьмин предполагает существование целого «рода Дмитрия Ейковича» среди переяславских бояр, служивших Ярославу Всеволодовичу (см.: [Кузьмин 2014, с. 276–279]; критику см.: [Lukin, p. 380, п. 41]).

Свидетельства брата Бенедикта имеют не меньшее значение, чем показания самого Платона Карпини. В отличие от последнего, брат Бенедикт, как уже говорилось, владел русским языком и был включен в состав посольства в качестве секретаря и переводчика. В переводе и интерпретации Бенедикта любая информация о монголах и, в частности, об их отношениях с русскими поступала к брату Иоанну, когда францисканцы находились в Киеве. Значит, именно сведения, полученные и осмысленные Бенедиктом, были основой для оценки политического положения этого города, сделанной другими участниками посольства и его главой.

Неудивительно поэтому, что в своем отчете брат Иоанн отметил: жители Киева содержались монголами «в жесточайшем рабстве» (*in maxima servitute*) [V.27] [ИМ, с. 71 (текст); 152 (перевод)], фактически повторяя и даже усиливая смысл сообщения Бенедикта. Разумеется, в отчете Платона Карпини нет и не могло быть никаких сведений о сохранении в Киеве независимой от монгольских властей русской администрации. Все подобные утверждения возникли в результате недоразумений и односторонних умозаключений новейших интерпретаторов, ошибочно принявших отсутствие сведений о прямых контактах францисканцев с монголами в Киеве за свидетельство существования здесь суверенной власти русского князя.

Киевский тысячник вне зависимости от своей этнической принадлежности, несомненно, был частью созданной и подчиненной монголам системы управления оккупированными территориями. Проехавший через всю Монгольскую империю и побывавший в ставке великого хана, папский посланник знал и отметил в своем отчете многих монгольских тысячников и других децимальных начальников, в том числе контролировавших определенные территории в качестве администраторов (например, оба берега реки Яик (*Iaes, Iaeth*) [IX.13] [ИМ, с. 102 (текст); 176 (перевод)], – все они по своему положению не отличались от киевского тысячника. Во всяком случае, брат Иоанн не отметил никаких различий, касавшихся их статуса и полномочий.

Разумеется, южнорусский летописец, описывавший поездку Даниила к Бату, не обладал подобным кругозором и знанием политических реалий монгольской империи. Ему ничего не было известно о монгольских тысячниках и децимальной системе вообще. Строго говоря, он даже не называет боярина, правившего в Киеве, тысяцким. Следовательно, административный статус и должность этого боярина для летописца Даниила Галицкого остались невыясненными.

При таких обстоятельствах отчет папского посланника и сообщение Галицко-Волынской летописи, касающиеся администратора, правившего в Киеве в конце 1245 – начале 1246 г., не могут считаться равноценными с точки зрения полноты и точности передаваемых сведений. Поэтому мы отдаем предпочтение показаниям брата Иоанна как более информированного и компетентного наблюдателя, чьи сообщения к тому же не зависели от конфликта интересов русских князей, боровшихся за Киев.

Боярин Дмитр Ейкович

Из рассказа брата Иоанна можно вынести еще одно наблюдение. Волынский князь Василько Романович (младший брат Даниила Галицкого), похоже, был заранее знаком с киевским тысячником и явно предпочитал его другим монгольским правителям или администраторам, обретавшимся у западных границ империи. Именно к киевскому тысячнику, а не к другим представителям монгольских властей в Приднестровье – таким как Мауци (вероятную идентификацию см.: [Pelliot, p. 38; Kim 2019, p. 284–285]), Коренца, Михей или Саррацин, русский князь отправил папских эмиссаров, заботясь об их безопасности. К киевскому тысячнику, очевидно, направлялся и «Служилый человек» (*servientus*) князя Василько, приставленный к францисканцам и благополучно доставивший их по назначению [IX.4] [ИМ, с. 97–98 (текст); 173 (перевод)].

Старания волынского князя возымели свое действие: посланникам папы в Киеве был оказан уважительный и доброжелательный прием, заметно отличавшийся от приема, ждавшего их во время дальнейшего путешествия по степи. Когда францисканцы, покинув Киев, добрались до «первой татарской заставы», на них «набросились, наводя ужас, вооруженные татары», отнявшие у посланцев папы «некоторые съестные припасы»; а упомянутый префект Михей был исполнен «всяческой злобы и подлости» и «вел себя крайне недружелюбно по отношению к нам». Грубые и наглые вымогательства сопровождали францисканцев на всем пути их следования до ставки Коренцы [IX.6–7, 9–10] [ИМ, с. 98–101 (текст); 173–175 (перевод)].

Обобщая сделанные наблюдения, мы можем заключить, что киевский тысячник, с которым имели дело посланцы папы, не только был русским по происхождению, но, кроме того, он не был посторонним человеком для волынских князей. Именно к киевскому тысячнику при необходимости искать поддержки монгольских властей первым делом обращались Василько Романович и, по-видимому, его брат Даниил.

Сказанное, в свою очередь, дает основания думать, что служивший монголам киевский тысячник, описанный братом Иоанном, и известный по Галицко-Волынской летописи киевский тысяцкий, поставленный Даниилом Романовичем оборонять город накануне монгольского нашествия, а затем перешедший на сторону завоевателей и ставший доверенным советником Бату, – одно и то же лицо.

Именно с ним князь Даниил должен был встретиться на три месяца раньше папских послов, когда в ноябре 1245 г. проезжал через Киев. Княжеский летописец, с высокой вероятностью лично сопровождавший Даниила в поездке к Бату (см.: [Ужанков, с. 325–356]), как мы уже видели, отметил, что в это самое время Киев «держал» владими́ро-суздальский князь Ярослав Всеволодович через боярина, носившего то же имя, что и тысяцкий Даниила, – Дмитр: «...обдержашу Киевъ Ярославу бояриномъ своимъ, Еиковичемъ Дмитромъ» [ПСРЛ, т. 2, стб. 806].

Ничего не говоря об отношениях этого боярина с монголами, новыми хозяевами Южной Руси, русский книжник отмечает только его связь с князем Ярославом Всеволодовичем. Такой взгляд, несомненно, отражает традиционное для домонгольской Руси представление о том, что переход стола к новому князю приводил к соответствующему переназначению или переподчинению прежних администраторов, включая тысяцких. Однако подобный взгляд не учитывает новые политические реалии, возникшие после монгольского завоевания и существенно повлиявшие на прежние взаимоотношения князей и служилых элит.

Как мы уже говорили, в 1243 г. Бату признал приехавшего к нему для принесения вассальной присяги владими́ро-суздальского князя «старейшим» среди всех русских князей [ПСРЛ, т. 1, стб. 470], что, очевидно, подразумевало передачу ему киевского княжеского стола и признание номинальным правителем Киева (после соответствующей санкции верховной власти). Несомненно, это было воспринято Даниилом Романовичем, также претендовавшим на киевский стол, как личное поражение (см.: [Майоров 2016а]).

Подчиняясь решению Бату и признавая Ярослава новым киевским князем, Даниил отныне считал Дмитра, некогда назначенного им на должность киевского тысяцкого, боярином Ярослава, что и нашло отражение в княжеской летописи. Но поскольку осенью 1245 г. Даниил сам направлялся к Бату для принесения вассальной присяги, переход на монгольскую службу тысяцкого Дмитра не мог вызвать осуждения и соответствующего комментария со стороны княжеского летописца.

В политической системе Древней Руси, сложившейся ко времени монгольского завоевания, тысяцкий был тесно связан с князем и, как правило, назначался последним, представляя

его власть, особенно в тех случаях, когда по каким-то причинам сам князь отсутствовал в городе или волости. Именно с такой точки зрения Даниил и его летописец смотрели на боярина Дмитра и оценивали его положение в Киеве.

Однако в политической системе монголов тысячник – военный администратор, назначаемый и подчиненный великому или улусному хану. Непосредственным начальником тысячника мог быть только десятитысячник (темник), также назначаемый ханом. Никаких дополнительных посредников в отношениях тысячника и хана (которому первый подчинялся бы как вышестоящему начальнику) не существовало. Во всяком случае, факты такого рода нам неизвестны.

В литературе уже отмечалось, что общий киевский контекст, в котором с небольшим хронологическим интервалом в Галицко-Волинской летописи упомянуты оба интересующие нас Дмитра, – тысяцкий и боярин, – хотя и связываемые с разными русскими князьями, но в равной мере оказавшиеся на службе у монголов, может быть основанием для их отождествления (см.: [Галицко-Волинський літопис, с. 309; Lukin, p. 379–380]). Общему контексту соответствует одинаковая лексика, используемая летописцем: Даниил дает Киев Дмитру «*обдержати*» *против татар*, а Ярослав «*обдержашу*» Киев через Дмитра [ПСРА, т. 2, стб. 782, 806].

В обоих случаях полномочия Дмитра в Киеве описываются с помощью грамматических форм, образованных от глагола *обдержати*, выступающего в крайне редком или даже уникальном значении ‘сохранять, удерживать’ (см.: [Галицко-Волинський літопис, с. 306–307]). Разумеется, валидность такого аргумента не вполне очевидна: описание схожих видов деятельности с помощью одинаковой лексики не может быть доказательством того, что эту деятельность реализует одно и то же лицо.

Тем не менее можно допустить, что посредством «вторичного языка», то есть через подбор стилистически одинаково окрашенных речевых форм и терминов, летописец стремился выразить общую мысль: оба раза правитель Киева выполнял одну и ту же задачу – он как бы удерживал Киев за русскими князьями в условиях иностранной оккупации, потенциальной в первом случае и реальной – во втором. Но в обоих случаях эта задача была невыполнима, и фактически Дмитр не был подчинен ни одному из русских князей, хотя, возможно, и сохранял какую-то личную связь как с Ярославом, так и с Романовичами.

В своем повествовании брат Иоанн, пусть прямо и не говорит о связи киевского тысячника с Ярославом Всеволодовичем, косвенно все же предполагает возможность подобной связи, когда называет Ярослава великим князем Руси (*magnus dux Ruscie*), а Киев – главным городом Руси (*metropolis Ruscie*) [ИМ, с. 50, 71, 97 (текст); 140, 152, 173 (перевод)].

С другой стороны, как мы уже отмечали, волинский князь Василько Романович определенно выделял киевского тысячника среди других монгольских правителей, пересылая к нему папских послов. Даниил Романович, отправившись к Бату, первым делом также прибыл к Киеву, рассчитывая безопасно переправиться здесь через Днепр и далее проследовать в ставку правителя Улуса Джучи по кратчайшему сухопутному маршруту через Переяславль.

Даниил Романович в Киеве

В летописи говорится, что по прибытии в Киев Даниил посетил Михайловский монастырь в Выдубичах: «...пришед в домъ архистратига Михаила, рекомыи Выдобичъ» [ПСРА, т. 2, стб. 806]. Некоторые историки связывали пребывание галицкого князя в окольном монастыре с тем, что в сам город его не пустил наместник Ярослава Всеволодовича. Остановка князя Даниила, как за несколько лет до него и черниговского князя Михаила Всеволодовича, вне города (соответственно в Выдубицком монастыре и «во острове») объясняется политическими причинами: «Ханская политика была направлена на удаление из Киева авторитетных

и реальных политических лидеров, которые потенциально могли собрать вокруг себя антиордынские силы. Южнорусские князья поэтому в Киев не допускались, а город передавался представителям владими́ро-суздальской княжеской линии, чьи основные интересы находились вдали от Приднестровья» [Ивакин, с. 62].

Для подобных выводов нет оснований. Если Михаил Всеволодович действительно не смог войти в Киев, захваченный монголами, и потому «живяше подъ Киевомъ во острове» (1241 г.) [ПСРА, т. 2, стб. 789], то Даниил Романович посещал Михайловский монастырь в Выдубичах по совсем другим причинам. Основанный Всеволодом Ярославичем неподалеку от княжеской резиденции и ставший при Владимире Мономахе центром киевского летописания (см.: [Михеев, с. 146–154]), этот монастырь считался семейной обителью Мономаховичей (см.: [Каргер, с. 287–289]), и Даниил поддерживал с ним постоянную связь. Известно о чудотворном образе архистратига Михаила, принесенном «ис Киева» в основанную Даниилом новую столицу – город Холм [ПСРА, т. 2, стб. 844]. Составленная в Выдубицкой обители Киевская летопись XII в. при Данииле или его преемниках была доставлена на Волынь и включена в состав единого сборника вместе с Галицко-Волынской летописью [Галицько-Волинський літопис, с. 52–53].

Даниил Романович отправился в путь до ставки Бату «на праздник святого Дмитрея» [ПСРА, т. 2, стб. 806], то есть 26 октября, в день святого Димитрия Солунского. До Киева он мог добраться к середине первой декады ноября (о скорости движения Даниила см.: [Майоров 2016]). Упоминание образа архистратига Михаила, которому страстно молился Даниил в главном храме Выдубицкого монастыря перед тем, как продолжить свой путь на восток («падь пред архистратигомъ Михаиломъ, изииде из манастиря»), позволяет предположить, что из Киева князь выехал на праздник Собора архистратига Михаила, отмечавшийся 8 ноября. Этим обстоятельством (храмовым праздником), вероятнее всего, следует объяснять выбор Даниилом Михайловского монастыря, не самого очевидного места для посещения в Киеве (см.: [Лаушкин, с. 116, примеч. 27; Галицько-Волинський літопис, с. 403]).

Кроме того, у Михайловского монастыря в Выдубичах находилась переправа через Днепр, которой и воспользовался волынский князь, направляясь к Переяславлю: «...изииде из манастиря въ лоды... И прииде Переяславлю, и стретоша Татарове». Однако здесь по требованию других монгольских администраторов он должен был изменить маршрут и к своему неудовольствию ехать в ставку Коренцы (Куремсы) [ПСРА, т. 2, стб. 806].

Пребывая в Михайловском монастыре, Даниил вел себя вполне по-хозяйски, созывая братию и отдавая распоряжения игумену, тотчас исполняемые: князь созвал «калугеры и мнишкии чин, и рекъ игумену и всеи братии, да сотворять молитву о немъ, и сотвориша» [ПСРА, т. 2, стб. 806]. Едва ли князь мог чувствовать себя настолько уверенно в статусе *persona non grata*, не принятый в Киеве и вынужденный просить убежища в ближайшем монастыре. Кроме того, на руках у Даниила было специальное разрешение на проезд (вероятно, пайцза), полученное от правителя Улуса Джучи. Об этом документе знал брат Иоанн, описавший его как своего рода охранную грамоту, призванную обеспечить безопасный проезд до ставки Бату (*securitatem de transeundo ad Bati*) [IX.2] [ИМ, с. 96 (текст); 172 (перевод)]. Трудно допустить, чтобы киевский тысячник, назначенный и подчиненный Бату, мог отказать в гостеприимстве Даниилу, предъявившему подобный документ.

Однако, выехав из Киева, Даниил очень быстро почувствовал резкую перемену в отношении к себе со стороны монгольских властей, встретивших его на дальнейшем пути. Покинув Михайловский монастырь и переправившись через Днепр, волынский князь, по сообщению летописца, ощутил страх и больше не мог чувствовать себя в безопасности: «...изииде из манастиря въ лоды, видя беду страшну и грозну» [ПСРА, т. 2, стб. 806]. Такую же перемену, как

мы уже видели, почувствовали и посланники папы во главе с братом Иоанном, когда покинули Киев и начали путешествие по степи.

«Беда страшна и грозна», которую, покинув Киев, увидел Даниил, контрастирует с приемом, оказанным ему монгольскими властями во время пребывания в днепровской столице. Хотя княжеский летописец прямо не говорит об этом, из сообщаемых им фактов можно заключить, что Даниил явно предпочитал иметь дело с предсказуемо лояльным киевским тысячником, нежели с другими монгольскими правителями, контролировавшими путь от Волыни до ставки Бату. Последние грубо нарушили планы князя и даже запретили ему прямой проезд к правителю Улуса Джучи, несмотря на наличие соответствующего разрешения, полученного от самого Бату. Такое положение, на наш взгляд, объясняется присутствием в Среднем Поднепровье в описываемое время конкурировавших друг с другом представителей монгольских властей разного уровня, – правителя Улуса Джучи, с одной стороны, и центрального имперского правительства – с другой (подробнее см.: [Майоров 2023, с. 16–17]).

В рассказе о падении Киева в декабре 1240 г. летописец прямо указывает, что Дмитр исполнял должность киевского тысяцкого. Очевидно, что и в повествовании о поездке Даниила к Бату осенью 1245 г. речь идет об аналогичной должности, занимаемой боярином Дмитром Ейковичем. Это подтверждается сообщением брата Иоанна о тысячнике, управлявшем Киевом: о нем (не называя его имени) папский посланник говорит как о единственном старшем представителе власти в этом городе. В таком же качестве единственного фактического правителя Киева упоминает боярина Дмитра южнорусский летописец, описывавший поездку Даниила Романовича. Никаких других правителей в Киеве Даниил и Иоанн, побывавшие здесь друг за другом с разницей в несколько месяцев, не встретили, следовательно, в обоих отчетах речь идет об одном лице.

Разница в именовании этого персонажа в двух близких друг к другу летописных известиях – с отчеством (1245 г.) и без отчества (1240 г.), как будто речь идет о двух разных лицах, объясняется тем, что составителем Галицко-Волынской летописи были соединены тексты двух самостоятельных литературных произведений середины XIII в. – Повести о нашествии Батыя (южнорусской версии), сообщающей о падении Киева, и Летописца Даниила Галицкого (первой редакции), где рассказывается о поездке Даниила к Бату (см.: [Майоров 2012, с. 63–69]). Написанные разными авторами в разное время, эти произведения, механически объединенные при включении их в летопись, не были должным образом отредактированы и сбалансированы с точки зрения единства повествования.

Таким образом, Галицко-Волынская летопись и отчет брата Иоанна независимо друг от друга фиксируют существование типологически схожих должностей киевского тысяцкого и тысячника (*millenarius*) до и через несколько лет после монгольского завоевания. Обе эти должности последовательно занимал русский боярин, перешедший на службу к монголам, но сохранивший связь с русскими князьями, как с волынскими Романовичами, так и с владимиро-суздальским князем Ярославом.

Перечисленные характеристики могут соответствовать только одному историческому лицу, чей облик восстанавливается по свидетельствам обоих наших источников. Это – боярин Ярослава Всеволодовича и монгольский тысячник Дмитр Ейкович, тождественный тысяцкому Дмитру, ранее поставленному Даниилом Романовичем оборонять Киев от монголов. После падения Киева Дмитр перешел на службу к завоевателям, был приближен к Бату, советовал ему незамедлительно атаковать Венгерское королевство и, вероятно, лично участвовал в венгерской кампании под непосредственным командованием старшего Джучида (см.: [Майоров, Веселов 2024]).

Включенный в систему хилиархии, Дмитрий получил от своих новых хозяев должность киевского тысячника, соответствовавшую его прежнему статусу. В этом отношении он разделил судьбу многих других слуг Великого хана, по мере успехов монгольских армий массово переходивших на сторону завоевателей как на Востоке, так и на Западе Евразии.

Монгольские военные администраторы

Среди огромного множества тех, кто волей или неволей принимал сторону победителей, мы сузим наши поиски до военачальников и военных администраторов, выступавших в качестве командиров гарнизонов или комендантов городов, которые, подчинившись завоевателям, сохранили свои должности в тех же городах и регионах, где их застало монгольское нашествие. Другими словами, мы сосредоточимся только на тех случаях, которые можно считать типологически близкими или соответствующими судьбе нашего главного героя – киевского тысячника Дмитрия, и попробуем определить, насколько его судьба была уникальной или типичной для эпохи монгольских завоеваний.

Уже во время первых кампаний Чингисхана в Северном Китае перешедшие на монгольскую сторону цзиньские военачальники получали должности военных администраторов, *син шэн* (*xing-sheng*), в захваченных регионах, в том числе в Чжунду (современный Пекин) [Allsen, p. 361]. В большинстве случаев новые слуги Великого хана продолжали службу именно в тех регионах или городах, откуда происходили сами, или там, где их застали боевые действия. Переходя на сторону монголов, они получали должности и звания, соответствовавшие их прежним карьерным позициям [Rachewiltz 1966, p. 110, n. 3, 4].

Переход на монгольскую службу для цзиньских офицеров и генералов в известной мере был облегчен тем обстоятельством, что как монгольская, так и чжурчжэньская армии были организованы по десятичному принципу, с той только разницей, что основной единицей последней считалась не тысяча, а сотня – *моу гэ* (*moi-ge*) [Hsiao 1978, p. 8–9]. Биографии некоторых китайских и киданьских военачальников, имевших наибольшие заслуги перед монгольскими ханами, были включены в «Юань ши» (официальная история династии Юань), и, благодаря этому обстоятельству, сегодня известны важные подробности их успешной карьеры.

В частности, показательна история китайского военачальника Лю Болина (1148–1221), который сдался монголам, будучи комендантом Вэйнина (регион Чахар) в звании *цян-ху* (*qian-hu*). В 1211 г. войско Чингисхана осадило Вэйнин, и, когда стало очевидно, что оборона крепости обречена, комендант принял решение о капитуляции. После допроса у Чингисхана, на котором Лю Болин назвал свои цзиньские звание и должность, хан принял его на монгольскую службу и присвоил соответствующее цян-ху звание тысячника ([Юань ши, с. 3515]; см.: [Rachewiltz 1966, p. 110, n. 4]). В дальнейшем Лю Болин принимал деятельное участие в завоевательных походах Мухали в Северном Китае (с 1217 г. командуя одним из подразделений левого крыла), в том числе участвовал в сражениях в Шаньдуне [Rachewiltz 1993, p. 5–6].

Кидань Шимо Бодиэр (1164–1233) был цзиньским комендантом крепости в префектуре Бачжоу (современная провинция Хэбэй). В 1213 г., при подходе к крепости войск Мухали, он предпочел сдаться, чтобы сохранить жизни солдатам гарнизона. Впечатленный его «мудростью и мужеством», Мухали присвоил Шимо Бодиэру звание тысячника [Юань ши, с. 3576], и этот новый монгольский хилиарх был оставлен в своей прежней должности – коменданта Бачжоу (см.: [Rachewiltz 1966, p. 107, n. 5]). Год спустя вместе с Мухали Шимо Бодиэр отправился на аудиенцию к Чингисхану, от которого получил серебряную пайцзу и назначение командующим ханьской армией в составе войск Мухали, дислоцированных в Северном Китае [Юань ши, с. 3576].

Китайский военачальник Чан Жоу (1190–1268), комендант префектуры Сюнчжоу (Хэбэй), попав в плен к монголам, принял предложение Мухали перейти на службу Великому хану (1218 г.), после чего «Тайцзу (Чингисхан. – А. М., Ф. В., И. Р.) восстановил [Чан Жоу] на прежнем посту» [Юань ши, с. 3471]. Этот офицер заслужил доверие монголов во время завоевания Северного Китая, был повышен до ранга тысячника и назначен военным администратором восточной и западной частей современной провинции Хэбэй (1226 г.), откуда он происходил сам и где некогда занимал военно-административные посты на цзиньской службе [Hsiao 1993].

Приведенный перечень можно продолжить многими другими примерами, которые отражают действительно массовое явление. Ди Шунь (1183–1256), Чжао Жоу (упоминается в 1213–1236 гг.), Ван Юй (1191–1260), Хао Хэшан (?–1252), Дун Цзюнь (1183–1233), Янь Ши (1182–1240), Лю Тун (?–1256) и многие другие из числа перешедших на монгольскую службу китайских и киданьских военачальников и чиновников были назначены руководить теми же городами, крепостями и округами, в которых они служили при Цзинь или откуда вели свое происхождение (см.: [Rachewiltz 1966; Hsiao 1993; Hung]).

Стратегия управления завоеванными землями с помощью военных администраторов, выбираемых и назначаемых из числа дезертиров и перебежчиков, успешно опробованная в Северном Китае, по мере дальнейшей экспансии монголов последовательно распространялась на другие регионы (см.: [Endicott-West, p. 28]). Ее практическое воплощение мы видим на протяжении всего периода великих завоеваний как на Востоке, так и на Западе Евразии.

В частности, из сообщений сирийского историка аль-Юнини (1242–1326), свидетеля монгольской оккупации Баальбека, известно, что бывший айюбидский губернатор города Бадр ад-Дин Юсуф аль-Хорезми, заблаговременно перешедший на сторону завоевателей, был оставлен новыми хозяевами управлять Баальбеком с соответствующим ханским ярлыком (см.: [Amitai 2007, p. 129, 133]). Похожая ситуация сложилась в Мосуле: Бадр ад-Дин Лулу, везир города, управлявший им некогда от имени династии Зангидов, предложил свои услуги великому хану Мунке еще до падения Багдада, за что сохранил свою должность и был «пожалован ярлыком и пайцзой» ([Рашид ад-Дин, т. 2, с. 125]; см.: [Humphreys, p. 344; Amitai 2011, p. 88]).

Во время осады Алеппо в монгольский лагерь прибыл айюбидский командир гарнизона, Фахр ад-Дин Ийяс аль-Саки. После того как «взяли крепость Халеб (Алеппо. – А. М., Ф. В., И. Р.), Хулагу-хан вверил ее Фахр-ад-Дину», одновременно в город был назначен баскак (шихна) ([Рашид ад-Дин, т. 3, с. 50]; см.: [Amitai 2007, p. 132]). Сохранил свой пост и сдавшийся монголам командующий гарнизоном цитадели в Хаме, после того как город был покинут айюбидским принцем аль-Мансуром аль-Музаффаром и его заместителем, евнухом Муршидом [Amitai 2007, p. 133].

Если первоначально решения о назначении перебежчиков на командные должности в монгольской армии и оккупационной администрации принимал сам Чингисхан (после личной встречи и тщательного допроса или следуя рекомендациям особо доверенных лиц), то позднее такое право было делегировано монгольским принцам и главным военачальникам, командующим основными подразделениями армии расширяющейся империи [Rachewiltz 1966, p. 111, n. 1]. В период завоеваний на Ближнем Востоке этим правом, как мы видели, помимо хана Мунке пользовался Хулагу.

Несомненно, подобным правом также обладал Бату, старший внук Чингисхана и предводитель Западного похода монголов. О том, что Бату неоднократно пользовался этим правом, могут свидетельствовать как случай киевского тысячника Дмитра, так и многочисленные факты участия в завоевании Восточной и Центральной Европы вспомогательных контингентов, набранных среди народов Поволжья, половцев, русских, венгров и др. (см.: [Майоров 2024]).

Отмеченные нами многочисленные случаи перехода на монгольскую службу иностранных военачальников, занимавших должности командиров гарнизонов крепостей (комендантов городов) и сохранивших при новых хозяевах свои прежние звания и должности (или даже получивших повышение), отражают одну из повсеместно распространенных практик создания универсальной империи, важнейшим институтом которой была система хилярии.

Реконструируемая по Галицко-Волынской летописи и отчету брата Иоанна судьба киевского тысяцкого Дмитра (тождественного боярину Дмитру Ейковичу), перешедшего на сторону завоевателей и по решению Бату ставшего монгольским тысячником, несколько лет управлявшим Киевом, может показаться экстраординарной только в перспективе дошедших до нас летописных известий о монгольском завоевании Руси. В действительности, это был стандартный случай с точки зрения выработанной и широко используемой монголами завоевательной стратегии и тактики. Описанные выше карьерные траектории иностранных военачальников и военных администраторов, волей или неволей подчинявшихся монголам в разных регионах и на разных этапах завоеваний, предопределили жизненный сценарий и нашего героя.

Источники

- ИМ – Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022. 383 с.
- Мункуев Н. Ц. Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да ши-люе», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследование. Улан-Удэ, 2023. 360 с.
- ПРП – Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. 527 с.
- ПСРА. М., 1997. Т. 1. Н, VIII, 733 с.; М., 1998. Т. 2. XXVIII с., 938 стб., 146 с.
- Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957. 270 с., 8 л. ил., карт.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2 / Пер. Ю. П. Верховского. 248 с., 2 л. табл.; М.; Л., 1946. Т. 3 / Пер. А. К. Арендса. 340 с.
- Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях / Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1825. XXI, 306, [3] с.
- Юань Ши – 宋濂 (Song Lian), 元史 (Yuan Shi). Beijing, 1976. 4678 с.
- BP – Relatio fr. Benedicti Poloni // Sinica Franciscana: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV / Ed. A. van den Wyngaert. Florence, 1929. Т. 1. P. 133–143.
- Changchun's Journey – Daoist Master Changchun's Journey to the West: To the Court of Chinggis Qan and Back / Transl. by R. W. Dunnell, S. H. West, S. Yang. Oxford, 2023. 256 p.

Литература

- Веселов Ф. Н. Бактерия или человек? Мнимая загадка смерти великого князя Ярослава Всеволодовича // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2026. Т. 25. № 1. С. 42–59. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-42-59
- Галицко-Волыньский літопис: текстологія / За ред. О. П. Толочко. Київ, 2020. 929 с.
- Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
- Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. 184 с.
- Ивакин Г. Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003. С. 59–65.
- Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 2. 661 с., 6 л. ил.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2022. 598 с.

- Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. 336 с.
- Кузьмин А. В. Социально-экономическая история Среднего Поднепровья (1240–1299) // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 7–64.
- Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 316, [2] с.
- Лаушкин А. В. «Видя беду страшну и грозну»: еще раз о днях отъезда русских князей в Орду // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 110–127.
- Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2 (6). С. 43–113.
- Майоров А. В. Русские князья после нашествия Батыя: борьба за Галич и Киев // *Stratum plus*. 2016. № 5. С. 49–56. [Майоров 2016а]
- Майоров А. В. Даниил Галицкий в пути к хану Батю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 195–202. [Майоров 2016б]
- Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 3. С. 124–199. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199 [Майоров 2021а]
- Майоров А. В. Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 5–24. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001 [Майоров 2021б]
- Майоров А. В. «Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в. // Российская история. 2023. № 5. С. 3–22. DOI 10.31857/S2949124X23050012
- Майоров А. В. Русские войска в армии монголов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 548–565. DOI 10.21638/spbu02.2024.301
- Майоров А. В., Веселов Ф. Н. Тысяцкий Дмитр до и после падения Киева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 4 (98). С. 7–26. DOI 10.25986/IRI.2024.98.4.002
- Майоров А. В., Веселов Ф. Н. «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники о последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича // Российская история. 2025. № 1. С. 5–16. DOI 10.31857/S2949124X25010015 [Майоров, Веселов 2025а]
- Майоров А. В., Веселов Ф. Н. Монголы под стенами Киева: Гуюк, Мунке и Бурундай // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 1 (99). С. 7–23. DOI 10.25986/IRI.2025.99.1.002 [Майоров, Веселов 2025б]
- Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. (Славяно-германские исследования; Т. 6). 280 с.
- Рудаков В. Н. Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 15–33. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.003
- Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009. 440 с.
- Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China // *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1994. Vol. 6: Alien Regimes and Border States, 907–1368. P. 321–413.
- Amitai R. Mongol Provincial Administration: Syria in 1260 as a Case-study // *In Laudem Hierosolymitani: Studies in Crusades and Medieval Culture in Honour of B. Z. Kedar*. Aldershot, 2007. P. 117–143.
- Amitai R. Im Westen nicht Neues? Re-examining Hülagu's Offensive into the Jazīra and Northern Syria in Light of Recent Research // *Historicizing the "Beyond". The Mongolian Invasion as a New Dimension of Violence?* Heidelberg, 2011. P. 83–96.
- Buell P. D. Kalmyk Tanggaci People: Thoughts on the Mechanics and Impact of Mongol Expansion // *Mongolian Studies*. 1980. Vol. 6. P. 41–59.
- Endicott-West E. Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, MA, 1989. 217 p.
- Hsiao C. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Harvard East Asian Monographs. Cambridge, 1978. 314 p.
- Hsiao C. Chang Jou // *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. P. 46–59.

- Humphreys R. S. From Saladin to the Mongols. The Ayyubids of Damascus, 1193–1260. New York, 1977. 504 p.
- Hung C. F. The Tung Brothers: Nung Wen-Ping, Tung Wen-Yung, Tung Wen-Chung // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. P. 621–645.
- Kim H. Formation and Changes of Uluses in the Mongol Empire // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2019. Vol. 62. No. 2/3. P. 269–317.
- Kim H. Mongol Imperial Institutions // The Cambridge History of the Mongol Empire. Cambridge, 2023. Vol. 2: History. P. 399–443.
- Lukin P. V. Three 'Rusian' themes from the *Historia Mongalorum* of Giovanni da Pian del Carpine // Christian Rus in the Making: 1. Politics and Culture. 2. Textual Production. Paderborn; Leiden, 2025. P. 373–382.
- May T. The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan // Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit. Wiesbaden, 2012. P. 129–151.
- May T. The Conquest of the Dasht-i Qipchaq // The Mongol World. London; New York, 2022. P. 150–163.
- Morgan D. The Mongols. Malden, MA; Oxford, 2007. 246 p.
- Mote F. W. Chinese Society under Mongol Rule // The Cambridge History of China. Cambridge, 1994. Vol. 6: Alien Regimes and Border States, 970–1368. P. 616–664.
- Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. Paris, 1973. 307 p.
- Rachewiltz I. de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. No. 9. P. 88–144.
- Rachewiltz I. de. Muqali // In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300). Wiesbaden, 1993. P. 3–7.

References

- Allsen, T. The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China. In *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1994. Vol. 6: Alien Regimes and Border States, 907–1368. Pp. 321–413.
- Amitai, R. Mongol Provincial Administration: Syria in 1260 as a Case-study. In *In Laudem Hierosolymitani: Studies in Crusades and Medieval Culture in Honour of B. Z. Kedar*. Aldershot, 2007. Pp. 117–143.
- Amitai, R. Im Westen nicht Neues? Re-examining Hülagu's Offensive into the Jazīra and Northern Syria in Light of Recent Research. In *Historicizing the "Beyond". The Mongolian Invasion as a New Dimension of Violence?* Heidelberg, 2011. Pp. 83–96.
- Buell, P. D. Kalmyk Tanggaci People: Thoughts on the Mechanics and Impact of Mongol Expansion. In *Mongolian Studies*. 1980. Vol. 6. Pp. 41–59.
- Endicott-West, E. Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, MA, 1989. 217 p.
- Galits'ko-Volins'kii litopis: tekstologiya. Ed. O. P. Tolochko. Kiev, 2020. 929 p. (In Ukr.)
- Gorskii, A. A. Uverzhdenie vlasti Mongol'skoi imperii nad Rus'yu: regional'nye osobennosti. In *Istoricheskii vestnik*. 2014. Vol. 10 (157). Pp. 58–79. (In Russ.)
- Gorskii, A. A. Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiya. Saint Petersburg, 2016. 184 p. (In Russ.)
- Hsiao, C. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Harvard East Asian Monographs. Cambridge, 1978. 314 p.
- Hsiao, C. Chang Jou. In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 46–59.
- Humphreys, R. S. From Saladin to the Mongols. The Ayyubids of Damascus, 1193–1260. New York, 1977. 504 p.
- Hung, C. F. The Tung Brothers: Nung Wen-Ping, Tung Wen-Yung, Tung Wen-Chung. In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 621–645.
- Ivakin, G. Yu. Istoricheskoe razvitie Yuzhnoi Rusi i Batyevo nashestvie. In *Rus' v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni*. Moscow, 2003. Pp. 59–65. (In Russ.)
- Karger, M. K. Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. 2. 661 p., 6 l. of il. (In Russ.)

- Kim, H. Formation and Changes of Uluses in the Mongol Empire. In *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2019. Vol. 62. No. 2/3. Pp. 269–317.
- Kim, H. Mongol Imperial Institutions. In *The Cambridge History of the Mongol Empire*. Cambridge, 2023. Vol. 2: History. Pp. 399–443.
- Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. Imperiya Chingis-khana. Moscow, 2022. 598 p. (In Russ.)
- Kuz'min, A. V. Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. Moscow, 2014. Vol. 1. 336 p. (In Russ.)
- Kuz'min, A. V. Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Srednego Podneprov'ya (1240–1299). In *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. 2016–2017. Moscow, 2017. Pp. 7–64. (In Russ.)
- Kychanov, E. I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. Moscow, 1997. 316, [2] p. (In Russ.)
- Laushkin, A. V. “Vidya bedu strash'nu i groznu”: eshche raz o dnyakh ot'ezda russkikh knyazei v Ordu. In *Istoricheskii vestnik*. 2014. Vol. 10 (157). Pp. 110–127. (In Russ.)
- Lukin, P. V. Three ‘Russian’ themes from the *Historia Mongalorum* of Giovanni da Pian del Carpine. In *Christian Rus in the Making: 1. Politics and Culture. 2. Textual Production*. Paderborn; Leiden, 2025. Pp. 373–382.
- Maiorov, A. V. Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoi letopisi. Chast' vtoraya. In *Rossica antiqua*. 2012. No. 2 (6). Pp. 43–113. (In Russ.)
- Maiorov, A. V. Russkie knyaz'ya posle nashestviya Batyya: bor'ba za Galich i Kiev. In *Stratum plus*. 2016. No. 5. Pp. 49–56. (In Russ.)
- Maiorov, A. V. Daniil Galitskii v puti k khanu Batyyu: k sporam o prodolzhitel'nosti poezdki knyazya v Ordu. In *Stratum plus*. 2016. No. 6. Pp. 195–202. (In Russ.)
- Maiorov, A. V. Zhenshchina, diplomatiya i voina: russkie knyaz'ya v peregovorakh s Batu nakanune mongol'skogo nashestviya. In *Shagi/Steps*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 124–199. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199 (In Russ.)
- Maiorov, A. V. Aleksandr Nevskii, rimskii papa i mongol'skii khan: k voprosu o “vybore” mezhdu Zapadom i Vostokom. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 4 (86). Pp. 5–24. DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.001 (In Russ.)
- Maiorov, A. V. “Umirotvorenie i control”: mongol'skoe pravlenie na Rusi v seredine XIII v. In *Rossiiskaya istoriya*. 2023. No. 5. Pp. 3–22. DOI 10.31857/S2949124X23050012 (In Russ.)
- Maiorov, A. V. Russkie voiska v armii mongolov. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2024. Vol. 69. Iss. 3. Pp. 548–565. DOI 10.21638/spbu02.2024.301 (In Russ.)
- Maiorov, A. V., Veselov, F. N. Tsyatskii Dmitr do i posle padeniya Kiev. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2024. No. 4 (98). Pp. 7–26. DOI 10.25986/IRI.2024.98.4.002 (In Russ.)
- Maiorov, A. V., Veselov, F. N. “Blagochestivo otdal sebya poslushaniyu Rimskoi tserkvi”: latinskie istochniki o poslednikh dnyakh velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha. In *Rossiiskaya istoriya*. 2025. No. 1. Pp. 5–16. DOI 10.31857/S2949124X25010015 (In Russ.)
- Maiorov, A. V., Veselov, F. N. Mongoly pod stenami Kiev: Guyuk, Munke i Burundai. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2025. No. 1 (99). Pp. 7–23. DOI 10.25986/IRI.2025.99.1.002 (In Russ.)
- May, T. The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan. In *Caucasus during the Mongol Period – Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. Wiesbaden, 2012. Pp. 129–151.
- May, T. The Conquest of the Dasht-i Qipchaq. In *The Mongol World*. London; New York, 2022. Pp. 150–163.
- Mikheev, S. M. Kto pisal “Povest' vremennykh let”? Moscow, 2011. (Slavyano-germanskie issledovaniya; Vol. 6). 280 p. (In Russ.)
- Morgan, D. The Mongols. Malden, MA; Oxford, 2007. 246 p.
- Mote, F. W. Chinese Society under Mongol Rule. In *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1994. Vol. 6: Alien Regimes and Border States, 970–1368. Pp. 616–664.
- Pelliot, P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. Paris, 1973. 307 p.
- Rachewiltz, I. de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. In *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966. No. 9. Pp. 88–144.
- Rachewiltz, I. de. Muqali. In *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. Pp. 3–7.

Rudakov, V. N. Zagadochnyi pokhod velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha na Kamenets (1239 g.). In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 3 (89). Pp. 15–33. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.003 (In Russ.)

Uzhankov, A. N. Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov XI–XIII vv. Moscow, 2009. 440 p. (In Russ.)

Veselov, F. N. Bakteriya ili chelovek? Mnimaya zagadka smerti velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2026. Vol. 25. No. 1. Pp. 42–59. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-42-59 (In Russ.)

Alexander V. Maiorov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Fedor N. Veselov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Irina S. Rudenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

KIEVAN CHILIARCHY IN THE MID-13th CENTURY: TYSIATSKII DMITR AND BOYAR DMITR EYKOVICH

During the period of the conquests, the Mongols developed a strategy for governing the new territories of their expanding empire using local military administrators who had previously served other rulers. Foreigners who entered Mongol service were integrated into the military-administrative system of the Mongol Empire, organized according to the decimal principle. The universality of this system, which was widespread in one form or another throughout almost all of early medieval Eurasia, to some extent facilitated the incorporation of the Great Khan's new servants into the imperial chiliarchy (I. de Rachewiltz's term). The report of the papal envoy to the Mongols, John de Plano Carpini, who passed through Kiev in 1246 and 1247, leaves no doubt that the Mongols also established the chiliarchy system in Southern Rus: Kiev was governed by a millenarius (chief of a thousand). The Galician-Volhynian Chronicle records his name as Dmitr Eikovich. The same source also reports that in 1240, a Russian tysiatskii (commander) with the same name defended Kiev from the Mongols. The latter was captured by Batu and even became his military adviser. It has already been noted in the literature that the general Kievan context and the specific vocabulary of the chronicler allow us to identify both Dmitrs. Analyses of the Kievan tysiatskii's connections with Rus princes, as well as comparisons of his fate with the career trajectories of foreign military leaders who defected to the Mongol service, support this hypothesis and present Dmitr's case as typical for the era of the Mongol conquests.

Keywords: Kiev commander of a thousand, tysiatskii Dmitr, Dmitr Eikovich, Daniil Romanovich, Yaroslav Vsevolodovich, John de Plano Carpini